

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

# КОРОСКО



СЕДЬМАЯ КНИГА



Артур Конан Дойл

**Короско**

«Седьмая книга»

1896

**Дойл А.**

Короско / А. Дойл — «Седьмая книга», 1896

Африка, конец XIX века. По широкому Нилу плывет пассажирский теплоход. На его борту тридцать восторженных туристов, которые мечтают прикоснуться к великим памятникам Древнего Египта. Несколько дней в пути, и выходцы с туманного Альбиона попадают в страну сфинксов и пирамид. Если бы они только знали, какие опасности ждут их впереди...

© Дойл А., 1896

© Седьмая книга, 1896

## Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

# Артур Конан Дойл

## Короско

### Глава 1

Публика, вероятно, немало удивлялась тому, что ей ничего не известно об участии пассажиров «Короско». В наше время универсальных корреспондентов и гласности кажется положительно невероятным, чтобы такого рода происшествие, имевшее международный интерес, осталось без отклика в печати. Очевидно, на то были весьма серьезные основания, как интимного, так и политического характера. Самые факты, конечно, были хорошо известны в свое время некоторому числу людей, и даже как-то проскользнули в провинциальной печати, но были встречены с недоверием.

Настоящий рассказ написан на основании клятвенных показаний полковника Кочрейна и собственноручных писем мисс Адамс, уроженки города Бостона, в штате Массачусетс, дополненных со слов очевидца, капитана Арчера, состоящего в Египетском кавалерийском корпусе, и с показаний, данных им на секретном допросе правительственного агента. Мистер Джеймс Стефенс отказался добавить что-либо от себя, но так как в представленных ему показаниях не нашел нужным сделать никаких изменений, то надо полагать, что и он не усмотрел в них никаких отступлений от истины.

13 февраля 1895 г. небольшой винтовой пароход «Короско» вышел из Шеллала, близ первых порогов Нила, держа рейс на Вади-Хальфу. У меня случайно сохранился список его пассажиров, который я и привожу здесь:

«Короско» 13 февраля 1895 г. – Пассажиры:

Полковник Кочрейн, из Лондона. Мистер Сесиль Броун, из Лондона. Джон Харри Хидинглей, из Бостона, Соед. Шт. Мисс Адамс, из Бостона, Соед. Шт. Мисс Сади Адамс, из Ворчестера, Массачусетс, Соед Шт. Monsieur Фардэ, из Парижа. Мистер и миссис Бельмонт, из Дублина. Джеймс Стефенс, из Манчестера, Джон Стюарт, из Бирмингема и миссис Шлезингер с нянькой и ребенком, из Флоренции».

Таково было маленькое общество пассажиров в момент отправления «Короско» из Шеллала. Отсюда «Короско» должен был идти вверх по течению нубийского Нила на протяжении 200 миль, то есть от первых порогов Нила до вторых.

Вся Нубия – страна в высшей степени своеобразная, местами широко раскинувшаяся, местами стиснутая до размеров узкой береговой полосы.

Под этим именем разумеется только плодородная полоса земли, тянувшаяся вдоль Нила по обе стороны этой, кофейного цвета, реки. Далее простираются уже беспредельные, бесплодные пески Ливийской пустыни, захватывающие чуть не всю ширину африканского материка с одной стороны и уходящие в Красное море – с другой. И среди этих песков и пустынь, словно гигантский дождевой червь, тянется извилистой полосой Нубия. Повсюду, на каждом шагу, попадаются следы погибшей расы и потонувшей в глубине веков древней цивилизации. Ряды могил и могильных памятников тянутся длинной вереницей, и там и сям перед вами всплывают развалины древнего города; вы узнаете, что он был построен римлянами или египтянами, а чаще всего слышите, что даже и самая память о том, как он некогда назывался, утеряна. Пусть так, но вы невольно удивляетесь, зачем здесь, среди пустыни, стоял некогда город, и только порывшись в исторических источниках, узнаете, что целый ряд таких городов был построен исключительно для того, чтобы служить оплотом против набегов диких степных племен, этих хищников, явившихся сюда с юга.

Туристы равнодушным взглядом скользят по несколько однообразным ландшафтам этой страны смерти и далеких седых воспоминаний, беспечно курят, болтают и флиртуют между собой.

Пассажиры «Короско» представляли собою очень милое, дружное общество. Большинство совершили вместе путешествие из Каира в Асуан и успели познакомиться и сблизиться за это время. Даже прославленная англосаксонская холодность и чопорность таяли под лучами солнца на Ниле. Судьбе было угодно, чтобы в числе пассажиров «Короско» не оказалось ни одной неприятной личности, присутствия которой на этих небольших пароходиках бывает достаточно, чтобы отравить удовольствие всего маленького общества. На судне, которое немногим больше большого парового катера, все поневоле постоянно сталкиваются друг с другом, и отношения, такие или иные, завязываются между пассажирами. Полковник Кочрейн был один из тех бравых английских офицеров, которых британское правительство, нормируя сроки служебной деятельности своих граждан, объявляет неспособными к дальнейшей службе только по достижении ими предельного возраста.

Полковник Кочрейн был высокий, сухой, горбоносый мужчина, прямой, как палка, с изысканно-почтительным и любезным обращением и зорким, наблюдательным взглядом. В высшей степени опрятный и аккуратный в своих вкусах, привычках и одежде, корректный до мелочи, он был настоящим джентльменом до кончиков ногтей. Из чисто англосаксонского отвращения ко всякого рода экспансивности, он усвоил себе строгую сдержанность в манерах, которую с первого взгляда можно было принять за чопорность, но близко знавшие его люди были уверены, что ему стоило немалого труда постоянно скрывать в себе искренние порывы своего доброго, чувствительного сердца. Он скорее внушал к себе уважение, чем любовь, так как почему-то невольно чувствовалось, что знакомство с ним не легко перейдет в дружбу, но, с другой стороны, можно было безошибочно сказать, что эта дружба, раз вам удалось вызвать ее в нем, сделалась бы частью его существа.

Мистер Сесиль Броун – следуя случайному порядку, в каком имена пассажиров стояли в пассажирском списке – был молодой дипломат, состоявший при одном из европейских посольств, носил на себе отпечаток воспитанников Оксфордского университета, то есть был несколько неестественно натянут в обращении, но весьма интересен как собеседник, и вообще человек развитой. У него было несколько печальное и скучающее, но красивое молодое лицо, с закрученными небольшими усиками, тихий голос и неслышная походка; но что придавало ему особенную приятность, так это его способность вдруг оживиться и просиять прелестной улыбкой, если что-либо приходилось ему по душе.

Однако какой-то напускной цинизм совершенно затмевал его природный юный энтузиазм, и временами он высказывал мысли тривиальные и вместе с тем нездоровые.

Целые дни сидел он на палубе под навесом, с книгой или альбомом набросков, не заговаривая ни с кем из чувства собственного достоинства, но всегда готовый ответить в высшей степени любезно каждому, кто к нему обратится.

Американцы держались отдельной группой: молодой Джон Харри Хидинглей, окончивший с ученой степенью Гарвардский университет и теперь довершавший свое образование кругосветным путешествием, представлял собою образцовый тип молодого американца: живой, наблюдательный, в высшей степени любознательный и желающий всему научиться и все себе уяснить, свободный от всякого рода предрассудков, серьезный и вместе веселый, как всякий сильный, здоровый человек в молодые годы. У него было в манере и наружности меньше внешнего лоска, но больше истинной культуры, чем у молодого оксфордского дипломата.

Мисс Адамс и мисс Сади Адамс были тетушка и племянница; первая из них была небольшого роста, энергичная особа, с резкими, не совсем красивыми чертами и громадным запасом (даже излишком) никому не понадобившейся нежности и любви. До сего времени она никогда не выезжала из Бостона и теперь усердствовала изо всех сил, трудясь над неблагодар-

ной задачей привить Востоку благоустройство ее родного Массачусетса. Едва она ступила на почву Египта, как тотчас же пришла к убеждению, что все здесь требует упорядочения, и с этого момента у нее было хлопот выше головы. И стертые седлами спины мулов, и голодные бездомные собаки, и мухи, кучами сидевшие на глазах грязных ребятишек, и неопрятные, в лохмотьях, женщины – все это вызвало к ее чувству чистоты и порядка; и она с первых шагов мужественно и самоотверженно принялась за дело. Но так как она не знала ни одного слова из местного наречия и вследствие этого не могла быть понята никем из туземцев, то ее старания не оставили заметного следа на порядках Египта, но зато доставили немало удовольствия и увеселения ее спутникам. Никого ее усилия так не забавляли, как ее племянницу Сади, которая вместе с миссис Бельмонт была наиболее популярной личностью на «Короско». Сади была совсем молоденькая девушка, прямо со школьной скамьи, и, как все американки в этом возрасте, еще наполовину ребенок – откровенная, по-детски доверчивая и прямодушная, всегда веселая и довольная болтливая, живая, но недостаточно почтительная и уважающая старших. Впрочем, даже сами недостатки забавляли ее спутников и нравились им. Несмотря на то, что мисс Сади сохранила все эти чисто детские черты характера, эта высокая, стройная, красивая девушка выглядела даже несколько старше своих лет, благодаря модной прическе, пышному бюсту и значительной округлости форм. Шелест ее юбки, громкий, звонкий голос и заразительный детский смех были привычными и желанными звуками для пассажиров «Короско». Даже чопорный полковник Кочрейн заметно смягчался, а безупречно выдрессированный в Оксфорде молодой дипломат забывал быть неестественным в обществе мисс Сади.

Об остальных пассажирах «Короско» можно упомянуть в нескольких словах: monsieur Фардэ был добродушный, словоохотливый резонер, имевший резко определенные взгляды на коварные махинации Англии и нелегальность занимаемого ею в Египте положения. Мистер Бельмонт, круглый, рослый господин, с сильной проседью, типичный ирландец, славился как лучший стрелок на дальнее расстояние, бравший все призы на состязаниях стрелков и охотников в Уимблдоне и Бислее. Его жена, прелестная, изящная женщина, чрезвычайно игривая и приветливая, нравилась решительно всем. Миссис Шлезингер, средних лет вдова, всецело поглощенная заботами о своем шестилетнем ребенке, была почти незаметной личностью среди пассажиров. Высокочитимый сэр Джон Стюарт, пресвитерианский священник, конгрегационалист, был человек чрезвычайно тучный, неподвижный и сонливый, но одаренный изрядной долей добродушного юмора.

Наконец, упомянем еще мистера Джеймса Стефенса, стряпчего из Манчестера, младшего компаньона товарищеского бюро «Хиксон, Вард и Стефенс». Он путешествовал теперь, по предписанию врачей, для поправления здоровья и восстановления сил после жестокой инфлюэнцы. Этот Стефенс за тридцать лет своей жизни сам, собственными силами выбился в люди; начав с того, что протирал окна в помещении этой самой конторы, он в настоящее время заведовал всеми ее делами и состоял младшим компаньоном товарищества. В течение почти всего этого времени он положительно зарылся в сухую техническую работу, жил только для того, чтобы удовлетворять старых и приобретать новых клиентов; в конце концов, самый ум и даже сама душа его стали точными и пунктуальными, как те статьи законов, с которыми он постоянно возился. Его работа превратилась для него в настоящую потребность, и так как он был холост, то в жизни его не было никакого интереса, который бы отвлекал его от этой работы. Постепенно эта работа засасывала, замуровывала все его существо, как замуровывали заживо погребенную монахиню в средние века. Но вот пришла болезнь и, вырвав его из этой могилы, выбросила его на широкую дорогу, залитую солнцем, бросила его в круговорот жизни, далеко от озабоченного, делового Манчестера, от его заставленной полками и тяжелой громоздкой мебелью конторы, где на него со всех сторон смотрели мрачные кожаные переплеты свода законов. Сначала ему было очень тяжело, и всё казалось глупо, и пусто, и тривиально в сравнении с его привычной милой рутинной, но затем, мало-помалу, он начинал прозревать,

и ему уже начало смутно представляться, как скучна и мертва была его работа в сравнении с этим обширным, разнообразным миром, который до сих пор был для него совершенно непонятен, и которого он вовсе не знал. Временами ему даже начинало казаться, что этот перерыв в его деловой карьере был важнее самой карьеры; всякого рода новые живые интересы начинали овладевать его душой, и теперь этот человек средних лет начинал ощущать в себе пробуждение той молодости чувств и впечатлений, которых он не знал в молодые годы, проведенные в труде и непрерывной деловой заботе. Конечно, характер его уже слишком сложился для того, чтобы он мог перестать быть сухим педантом в своих привычках и разговоре, но теперь он уже интересовался жизнью, читал, наблюдал, изучал свой «Бэдекер», подчеркивал в нем, отмечал на полях известные места, как человек, находящий удовольствие в своем путешествии и желающий поучаться. За время рейса от Каира он успел особенно сойтись с мисс Адамс и ее молоденькой племянницей; ее молодость, смелость, живость, ее неумолчный говор и жизнерадостность нравились ему; она же, в свою очередь, чувствовала некоторое уважение к его серьезным знаниям, его уравновешенной натуре и жалость к его узкому кругозору, к его замкнутости в каком-то заколдованном кругу, лишившей его возможности широкого полета мысли, широких кругозоров и свободных размахов фантазии, то есть всего того, что в ее глазах было так необходимо. И вот они сошлись и сдружились; и прочие, глядя на них, когда они сидели рядом, обращали внимание на его холодное, несколько сумрачное лицо рядом с цветущим, молодым, полным жизни личиком девушки.

Маленький «Короско» шипел, пыхтел, шумел, взбивая пену за кормой, медленно подвигаясь вперед по реке и производя больше шума ради своих пяти узлов в час, чем самое большое атлантическое линейное судно на призовом рейсе.

Ряды развалин восставали по обе стороны реки, но по мере того, как наши пассажиры подвигались вперед, эти развалины приобретали иной характер; некоторые из них были едва ли старше христианской эры. Туристы равнодушно смотрели на полугреческие барельефы храмов, взбирались на марс «Короско», откуда можно было видеть выходящее над бесплодной пустыней Востока солнце.

Под вечер, на четвертые сутки своего путешествия, пассажиры «Короско» прибыли в Вади-Хальфу с небольшим опозданием вследствие какого-то незначительного повреждения в машине; на следующее утро предполагалась общая экскурсия на скалу Абукир, с которой открывается великолепный вид на вторые пороги Нила. В половине девятого, когда все пассажиры находились на палубе, среди них появился Мансур – драгоман и проводник в одно и то же время, полукопт, полусириец – и громко, торжественно, как он это делал, каждый вечер, объявил присутствующим программу на завтрашний день. На время тихий говор, царивший в разных углах палубы, стих, но когда Мансур окончил – и, словно кукла в театре марионеток, исчез в отверстии трапа, и его темная юбка, европейского покроя куртка и красный тарбуш потонули во мраке – в отдельных группах снова завязались прерванные разговоры.

– Так я рассчитываю на вас, мистер Стефенс, – проговорила мисс Сади Адамс, – что вы расскажете мне все об этой скале Абукир. Я люблю знать, на что смотрю, а не глядеть на что-то такое, чего не понимаешь, и потом, целых шесть часов спустя, получать разъяснения, сидя в своей каюте. Я не могу себе представить ни Абу-Симбела, ни этих стен, хотя их видела только вчера!

– А я так и не надеюсь угнаться за всем этим, – заявила ее тетка, – а вот когда вернусь к себе на Коммонвельс-авеню, где никакой драгоман не будет смущать меня, успею прочитать о всем этом на свободе, и тогда только, надеюсь, начну восхищаться тем, что здесь видела; и тогда мне захочется опять вернуться сюда. Впрочем, это в высшей степени мило и любезно с вашей стороны, мистер Стефенс, что вы стараетесь осведомлять нас обо всем!

– Я знал, что вы пожелаете получить точные сведения об этой местности, мисс, и потому уже заранее приготовил маленький конспект по этому поводу! – отвечал Стефенс, передавая



мисс Сади листочек бумаги. Она взглянула на этот листочек и весело засмеялась тихим детским смехом.

– «Re Абукир», – прочла она. – Скажите, пожалуйста, что означают у вас эти две буквы. Прошлый раз вы так же написали на заметке о Рамзесе: «Re Рамзес II».

– Это деловая привычка, мисс Сади, когда представляют кому-нибудь «мето», люди моей профессии всегда ставят «Re».

– Представляют что? – переспросила молодая девушка.

– Мето, то есть меморандум или, иначе говоря, записку для памяти, и мы ставим «Re», то есть «relatively» (касательно, относительно).

– Это, вероятно, очень удобное сокращение в деловых бумагах, но признайтесь, что оно кажется забавным при описании местности или когда речь идет о древних египетских царях, не правда ли?

– Нет, я этого не вижу!.. – сказал Стефенс.

– Не знаю, правда ли, что англичане не одарены таким юмором, как американцы, или же это своего рода юмор?.. – рассуждала Сади таким тоном, как будто она размышляла вслух. – Мне почему-то казалось, что у них меньше юмора, а между тем, если считаешь Диккенса, Теккерея, Барри и других юмористов, которыми все мы восхищаемся, то начинаешь сознавать, что ошибалась. Кроме того, я никогда не слышала нигде такого искреннего, душевного смеха, как в Лондонском театре. Один господин сидел за спиной своей тети, и каждый раз, когда он начинал смеяться, тетя оглядывалась, полагая, что где-нибудь отворилась дверь – такое сильное движение воздуха производил его смех.

– Я желала бы видеть законы этой страны, – вставила мисс Адамс-старшая тем резким, металлическим голосом, которым она старалась замаскировать чувствительность своего сердца. – Я желала бы внести в это законодательство свой билль об обязательном промывании глаз у детей и об уничтожении этих отвратительных яшмаков, которые превращают женщину в тюк бумажной ткани, откуда выглядывают два черных глаза!

– Я сама никогда не могла понять, зачем они носят их, – говорила Сади, – но однажды я увидела одну из этих женщин без яшмака и поняла, почему они его носят.

– Ах, как мне надоели эти женщины! – воскликнула мисс Адамс. – Поверите ли, с таким же успехом можно было бы говорить об обязанностях, чистоте и приличиях куче бесчувственных камней!.. Ну вот, хотя бы вчера, в Абу-Симбеле, я проходила мимо одного из их домов, если можно назвать домом этот ком грязи; у дверей сидели двое ребятишек с обычной кучей мух вокруг глаз и громадными прорехами в их жалкой грязной одежде. Я слезла со своего мула, засучила рукава и своим носовым платком хорошенько умыла им личики, а затем, достав из своего мешочка иголку с ниткой и наперсток, зашила их прорехи. В этой дикой стране я никогда не съезжала на берег без своего рабочего мешка точно так же, как без белого зонтика. Умыв и убрав ребятишек, я вошла в дом. Ну уж, жилище! Полагаю, что в свинарнике, в порядочном хозяйстве, много чище. Сердце мое не выдержало, и я, выгнав всех обитателей из этой мурьи, принялась все чистить, мыть и прибирать, как наемная полумойка. Я так и не видела вашего храма Абу-Симбел, но зато видела столько пыли и грязи, что трудно себе представить, чтобы такое жилье, величиной с сорочье гнездо, могло вмещать все это. Правда, я провозилась в их мурье часа полтора, но зато, когда покончила с приборкой, эта хижина была чиста, как новенький деревянный ящичек. У меня был с собой номер «New York Herald», и я выложила им их полки, на которые в добром порядке расставила их горшки. Когда все было кончено, я вышла на двор, чтобы умыть лицо и руки, ставшие темно-кофейного цвета от пыли и грязи, и когда, умывшись, снова проходила через дом, на пороге сидели ребята, опять такие же чумазные и грязные, с кучей мух вокруг глаз и новыми прорехами на рубашонках, только на голове у каждого из них было по бумажному колпаку, сделанному из моей газеты... Однако, Сади, уже скоро десять часов, а завтра надо рано вставать...

– О, но этот пурпуровый горизонт и светлые, точно серебряные звезды так прекрасны, что с ними жаль расстаться! – воскликнула девушка. – Посмотрите только на эту тихую, безмолвную пустыню и эти темные силуэты холмов там, вдали... Глядя на них, как-то невольно становится жутко, и если подумать, что мы теперь находимся на самом краю цивилизованного мира, и что там, за гранью этой светлой полосы, уже нет ничего, кроме диких, кроважанных побуждений, то начинает казаться, будто стоишь на краю великолепного, действующего вулкана, и хорошо, и страшно, и как-то торжественно на душе!

– Ш-ш, Сади, не говори так, дитя мое! У меня мурашки по спине бегут, когда я тебя слушаю, – сказала мисс Адамс-старшая.

– Но взгляните только на эту беспредельную пустыню, которая уходит вдаль, насколько только может хватить глаз, прислушайтесь к этому унылому напеву ветра, несущегося над ней, – он как будто оплакивает что-то, как будто ропщет... Право, я никогда в жизни не испытывала столь таинственного и торжественного настроения.

В это время вдруг откуда-то из-за холмов, утопавших в сумраке по ту сторону реки, раздался резкий, жалобный, постепенно расплывающийся вой, перешедший в протяжный замирающий вопль.

– Боже правый! Что это? – вся изменившись в лице, воскликнула мисс Адамс, вскочив со своего места.

– Это просто шакал, мисс Адамс, – поспешил ее успокоить Стефенс. – Я слышал их крик, когда мы ходили смотреть сфинксов при лунном свете!

– Будь моя воля, – сказала старая мисс, – я бы ни за что не поехала дальше Асуана. Я положительно не понимаю, что меня толкнуло везти тебя, моя девочка, на этот край света. Твоя мать подумает, что я совсем потеряла рассудок, и я никогда не посмею взглянуть ей в глаза, если с тобой что-нибудь случится. Я уже всего здесь вдоволь насмотрелась и хочу теперь только одного – скорее вернуться в Каир!

– Что с вами, тетя? С чего вы вдруг так встревожились? Это совсем не похоже на вас, я никогда не видела вас малодушной!

– Я сама не знаю, что со мною, Сади, но чувствую себя не совсем хорошо, а этот вой шакала как-то особенно расстроил меня. Я утешаюсь только тем, что уже завтра, после того, как мы посмотрим этот храм или скалу, мы отправимся в обратный путь; я по горло сыта этими храмами, скалами и холмами, мистер Стефенс! Верьте мне! Ну, пойдем, Сади. Спокойной ночи, мистер Стефенс. Завтра надо рано вставать!

С этими словами обе дамы удалились в свою каюту.

Между тем monsieur Фардэ воодушевленно, по обыкновению, беседовал с молодым Хидинглеем.

– Дервишей никаких не существует, мистер Хидинглей! – говорил он на прекрасном английском языке, но растягивая некоторые слоги по французской манере. – Их нет, они вовсе не существуют, говорю вам!

– Хм, а я полагал, что все леса кишат ими! – возразил молодой американец.

Monsieur Фардэ взглянул по направлению, где горел красненький огонек сигары полковника Кочрейна, и продолжал, несколько понизив голос.

– Вы – американец и не любите англичан, мы в Европе все это отлично знаем!

– Ну, я этого не скажу! Мы, конечно, имеем свои претензии против них, и некоторые из нас, преимущественно ирландского происхождения, действительно не терпят англичан, но большинство их любовно относится к своей прежней, старой родине, многое в англичанах возмущает и раздражает нас порою, но в сущности, все же это родственный нам народ!

– Eh bien! – сказал француз. – Во всяком случае, я могу вам сказать то, чего не мог бы сказать англичанину, не обидев его, а потому могу сказать, что эти дервиши были выдуманы

лордом Кромером в 1885 году, об этом писали и «La patrie», и другие из наших хорошо осведомленных газет и журналов!

– Но это что-то невероятное! Неужели вы хотите сказать, monsieur Фардэ, что и осада Хартума, и смерть Гордона – все это было не что иное, как грандиозный обман, комедия?!

– Я не стану отрицать, что тогда было небольшое возмущение, но оно было чисто местное, и о нем давно уже забыли, а с того времени в Судане царили безусловный мир и спокойствие!

– Но я слышал даже в последнее время о набегах, читал о стычках в ту пору, когда арабы старались захватить Египет. Два дня тому назад мы проезжали Тоски, и драгоман сообщил нам, что там была битва, или сражение, – неужели и это все обман?

– Ба, друг мой, вы не знаете англичан! Вы смотрите на них, на их самодовольные лица и говорите себе: «Это славные, добродушные люди, которые никому не желают зла», – но вы ошибаетесь: они все время следят, высматривают и стараются нигде не пропустить своей выгоды. «Египет слаб, не будем зевать!» – говорят они, и словно туча морских чаек налетели на страну. «Вы не имеете на Египет никаких прав, убирайтесь вон оттуда!» – говорят им, но Англия уже начала все подчищать, прибирать, приводить в порядок, точь-в-точь как наша милая мисс Адамс в хижине арабов. «Убирайтесь вон!» – говорят им. – «Конечно, конечно, – отвечает Англия, – подождите только минуту, пока я все не приведу в надлежащий порядок». И вот ждут год, и полтора, затем ей снова говорят: «Да убирайтесь же вон!» – «Погодите всего еще одну минутку, видите, в Хартуме беспорядки и смуты; как только я с этим покончу, то буду рада sirh отсюда». И опять ждут, пока все уладится, и тогда опять говорят им: «Да уберетесь ли, наконец?!» – «Как могу я уйти отсюда, – возражает Англия, – когда здесь все еще продолжаются набеги и стычки. Если мы не очистим Египет, то он без нас погибнет, его сотрут с лица земли». – «Но теперь нет уже никаких стычек и набегов», – возражают ей. – «Нет? Разве нет набегов?» – спрашивает Англия; и смотришь, спустя какую-нибудь неделю, а то и меньше, газеты уже с шумом оповещают целый мир о новом набеге дервишей. О, мы не так слепы, как они думают! Нет, мистер Хидинглей, мы отлично понимаем, как подобные штуки устраиваются: несколько десятков бедуинов, небольшой бакшиш, несколько десятков холостых патронов, – и вот вам набег!

– Все это прекрасно, и я очень доволен, что узнал, как это на самом деле делается, так как я нередко положительно недоумевал. Но скажите мне, какая от всего этого выгода для Англии?

– Какая выгода? Она фактически владеет страной!

– А-а, понимаю, она находит прекрасный рынок для сбыта английских товаров!

– И этого мало. Она отдает все выгоднейшие концессии англичанам; хотя бы взять для примера железную дорогу, идущую вдоль течения Нила через всю страну. Это было бы весьма выгодное для Англии предприятие, как вы полагаете?

– Без сомнения! Кроме того, Египет, вероятно, должен содержать всех этих красномундирщиков?

– Египет, нет, monsieur, им платит и их содержит Англия!

– Но, в таком случае, мне кажется, что англичане тратят здесь много денег и труда, а взамен всего этого получают не Бог весть какую прибыль; но они, конечно, лучше меня знают свое дело, и если им не надоело постоянно поддерживать порядок в стране, охранять границы от набегов дервишей, то я, право, не вижу, зачем другим протестовать против этого. А ведь никто, полагаю, не может отрицать, что благоденствие страны значительно увеличилось с тех пор, как англичане пришли сюда, и, как слышу, беднейшее население страны теперь легче может добиться справедливости, чем раньше!

– Пусть так! – воскликнул француз. – Но скажите мне на милость, что они тут делают? Кто их звал сюда? Пусть они торчат у себя на своем острове! Не можем же мы допустить, чтобы они разбрелись по всему свету.

– Да, конечно, мы, американцы, живем у себя и в другие страны не лезем, но это потому, что у нас пока земли вволю. Ну, а если бы мы расплодились настолько, что стали бы сталкивать друг друга в море, то и мы были бы принуждены присоединять себе чужие земли. В настоящее же время хозяйничают здесь, в Абиссинии, итальянцы, в Египте – англичане, в Алжире – французы!

– Французы! – воскликнул monsieur Фардэ. – Алжир принадлежит Франции, monsieur, вы, вероятно, изволите смеяться! Честь имею пожелать вам покойной ночи! – с этими словами он довольно порывисто встал и удалился, с видимым чувством оскорбленного патриотизма, в свою каюту.

## Глава 2

Молодой американец стоял с минуту в нерешимости, идти ли ему вниз и занести в свой путевой дневник впечатления дня, как он это делал ежедневно по просьбе сестры, оставшейся дома, или же присоединится к полковнику Кочрэню и Сесилю Броуну, огоньки сигар которых светились в дальнем конце палубы.

– Идите сюда, Хидинглей! – крикнул полковник, подвигая ему складной стул. – Идите, я вижу, что Фардэ начинил вас политикой, мы здесь полечим вас от его болезни!

– Мне подобные разговоры о политике кажутся настоящим преступлением в такую ночь как эта, – сказал молодой денди-дипломат. – Какой дивный ноктюрн в голубых тонах! Точное воплощение одной из дневных песен Мендельсона, где все те тончайшие оттенки ощущений, которых мы не можем выразить в словах, передаются нежной гармонией звуков!

– Сегодня пустыня и весь этот пейзаж как-то особенно суровы и мрачны – сказал американец. – Они производят на меня впечатление беспощадной силы и мощи всеокрушающего Атлантического океана в холодный и пасмурный зимний день. Быть может, это впечатление получается вследствие того, что мы знаем, что находимся на рубеже цивилизованного мира, и что за этим рубежом не существует прав и законов. Не знаете ли, полковник, далеко ли мы сейчас от дервишей?

– Хм, на арабской стороне, – сказал полковник Кочрейн, – мы имеем египетский укрепленный лагерь Сарра в сорока милях к югу отсюда, за которым на протяжении шестидесяти миль раскинулась совершенно дикая местность: за пределами ее находится дервишский пост Акашех; по эту же сторону нас ничто от дервишей не отделяет, здесь они считают себя хозяевами!

– А Абукир, кажется, на этой стороне?

– Да, вследствие этого в последние годы воспрещалось туристам предпринимать экскурсии к скале Абукир, но теперь здесь гораздо спокойнее!

– Что же, собственно говоря мешает им являться сюда? – спросил Хидинглей.

– Решительно ничего! – ответил Сесиль Броун.

– Ничего, кроме чувства страха и опасения, что им не удастся вернуться в свою кочевку. Это не так-то легко сделать, когда их верблюды будут истощены длинным переходом через пустыню, а животные гарнизона Хальфы, свежее и в отличном состоянии, будут преследовать их по пятам!

– Ну, на их чувство страха, мне кажется, не слишком можно полагаться! – своим обычным, небрежным сонливым тоном заметил молодой дипломат. – Многие из них не только не боятся, а даже ищут смерти и больше всего полагаются на волю судьбы. Все они беспредельные фаталисты, это не подлежит сомнению!

– Так вы полагаете, что эти дервиши серьезная опасность для Египта? – спросил Хидинглей. – Monsieur Фардэ, напротив, полагает, что эта опасность не столь велика!

– Я не богатый человек, мистер Хидинглей, – сказал полковник Кочрейн, – но готов поставить на карту всё, что имею, за то, что не позднее, чем через три года после того, как англичане очистят Египет и предоставят его своим собственным силам, дервиши будут на побережье Средиземного моря, и тогда – прощай, вся современная и древняя цивилизация Египта! Прощайте, все сотни миллионов, потраченных на эту страну! Прощай, все те великие памятники древности, которые так драгоценны теперь в наших глазах!

– Однако, полковник, – смеясь, возразил молодой американец – вы, конечно, не думаете, что они разрушат пирамиды?

– Трудно сказать, что они могут сделать! Ведь в свой последний набег на эту страну они сожгли библиотеку Александрии. Вы знаете, что, согласно Корану, всякое изображение

или подобие человека есть греховный предмет, и на этом основании они будут разрушать и сфинксы, и колоссы, и статуи Абу-Симбела!

– Ну, предположим, что все это так, тем не менее, я не могу понять, какой интерес, какая выгода англичанам тратить столько средств, и сил, и забот на эту страну: какое преимущество имеет она от этого перед Францией и Германией, например, которые не тратят на Египет ни цента?

– То же самое спрашивают и многие англичане, – заметил Сесиль Броун. – Я того мнения, что мы уже достаточно долго несли обязанности всемирной полиции. Мы очищали моря от пиратов и работорговцев, теперь мы освобождаем и очищаем эту страну от дервишей и разбойников и постоянно, везде и всюду стоим на страже интересов цивилизации. И все к этому до того привыкли, что, что бы ни случилось на этой планете, весь свет в один голос восклицает: что же смотрит Англия! Восстанут ли курды в Малой Азии, или разразится военный бунт в Египте, или поход в Судан, – все это спрашивается с Англии. И за все свои хлопоты и труды, как это всегда бывает, получаем только брань и пинки, как настоящие полисмены, когда они арестуют какого-нибудь негодяя. И зачем только мы это делаем? Пусть Европа сама блюдет свои интересы и делает для себя свою черную работу!

– Так-с! – сказал полковник Кочрейн, скрестив свои вытянутые ноги и откидываясь на спинку своего стула, как человек, собирающийся высказать свое строго установившееся мнение. – Я должен вам сказать, Броун, что совершенно не согласен с вами! Вы высказали крайне узкий взгляд на наши национальные общечеловеческие обязанности. Я полагаю, что превыше всякой дипломатии и чисто национальных интересов есть великая, правящая миром и судьбами людей и народов сила, извлекающая из каждого народа все, что он может дать лучшего, и отдающая все это на общее благо всего человечества. Как только какой-нибудь народ перестает быть пригодным для этой цели, он тотчас же отчисляется в запас из действующей армии на несколько веков, пока не вернет себе прежние силы и доблести. Это мы видели в Греции, Риме, Испании. Я глубоко убежден, что ни один человек, ни один народ не существует на земле для того только, чтобы делать то, что принято и что выгодно, и часто бывает призван делать именно то, что ему и неприятно и невыгодно, но что должно послужить ко всеобщему благу, – и никто не вправе отказываться от своей миссии!

Хидинглей сочувственно закивал головой.

– У каждого народа есть свое назначение: Германия посвятила себя абстрактным идеям, Франция – литературе и другим изящным искусствам, а Англия и Америка одарены, в лице лучших наших людей, искусством совмещения морального смысла жизни и общественных обязанностей. Эти два качества всегда необходимы для направления слабейших народов на путь к благоустройству и прогрессу. Таким именно образом мы правим Индией; мы попали туда как бы в силу какого-то естественного закона, подобно воздуху, врывающемуся в пустоту!

Это же потянуло нас на другой конец земного шара, вопреки всяким нашим интересам. Мир тесен и становится все теснее, все меньше с каждым годом. Это одно органическое тело, и одного зараженного гангренозным воспалением места достаточно, чтобы заразить все тело. Потому-то на земле нет места бесчестному, порочному и тираническому правлению, и пока будут существовать таковые, до тех пор они всегда будут порождать смуты, беспорядки и опасности. Но есть народы, столь неспособные к совершенствованию, что не остается никакой надежды на то, чтобы они могли создать себе когда-либо хорошее правительство, – и тогда, в былые времена, являлись Атиллы и Тамерланы, их берет под свою опеку или под свое руководство какой-нибудь другой народ, более способный к созданию прочной государственности, как случилось это с среднеазиатскими ханствами, или здесь, в Египте. И раз это должно быть сделано, а мы, англичане, более всех способны выполнить эту задачу, то нам грешно было бы отказываться от нее.

– Пусть так, – согласился, улыбаясь, Хидинглей. – Но кто сказал вам, что именно вы к тому призваны? Ведь на таком основании всякая хищническая страна может захватить любую страну в мире. Что будет нам служить порукой, что именно вам суждено просвещать и водворять порядок повсюду?

– Что? События! Неумолимый и неизбежный ход событий может служить тому доказательством! Возьмите хотя бы эту страну. В 1881 году никто из нас не помышлял о Египте, но избиение на улицах Александрии и наведенные на наш флот жерла орудий повели к бомбардировке; бомбардировка повела к высадке; высадка вызвала расширение военных операций, – и вот Египет остался у нас на руках. Во время беспорядков мы звали, мы молили Францию или кого– либо другого прийти помочь нам, но все оставили нас, когда в них была здесь серьезная надобность. А теперь, когда мы здесь ввели законы и порядки и установили надлежащую администрацию, когда страна в двенадцать-пятнадцать лет сделала больше успехов на пути прогресса, чем за все время с нашествия мусульман, – они все рады бранить нас и восставать на нас. Я полагаю, что в истории вы не найдете другого примера такого бескорыстного труда!

Хидинглей глубокомысленно покуривал свою сигару.

– У нас в Бостоне, на Бэк-Бей, стоит старый безобразный дом, – начал он медленно и рассудительно, – этот дом портит положительно весь вид. Он весь наполовину сгнил и развалился, ставни беспомощно висят, сад совершенно заглох, – но я, право, не знаю, вправе ли соседи ворваться в этот сад и этот дом, начать хозяйничать в нем по своему усмотрению и наводить свои порядки!

– Вы думаете, что они не имели бы на то права, даже если бы этот дом горел? – спросил полковник.

– Ну, этого, кажется, не предусмотрено в доктрине Монроэ, полковник! – ответил, улыбаясь, молодой американец, вставая со стула. Оба англичанина также поднялись со своих мест.

– Тем не менее, это какой-то странный каприз судьбы, – заметил Сесиль Броун, – что ей было угодно послать людей с маленького, затерявшегося среди Атлантического океана острова управлять Страною фараонов. Но можно сказать почти с уверенностью, что мы пройдем, не оставив здесь, то есть в истории этой страны, никакого следа, потому что у нас, англосаксов, не в обычае запечатлевать свои подвиги на скалах в назидание грядущим векам. И я готов поручиться, что с течением веков остатки нашей системы дренажа Каира будут нашим прочнейшим памятником в этой стране, если только они тысячу лет спустя не будут приписаны работам какого-нибудь из царей гиксосов. Однако, вон наши вернулись уже с прогулки по берегу!

Действительно, снизу доносился мелодичный голос миссис Бельмонт и глубокий бас ее супруга. Мистер Стюарт спорил из-за нескольких пиастров с бойким и задорным погонщиком мулов, а остальные его компаньоны пытались уладить их спор. Затем трое наших собственников встретили вернувшихся у трапа; все обменялись прощальными приветствиями и разошлись по своим каютам. И вскоре маленький «Короско», безмолвный и неподвижный, чернея в густом сумраке тени, которую кидал на реку высокий берег Хальфы, как будто тоже погрузился в сон.

## Глава 3

«Стоппа! Бакка!» (Стоп, назад!) – крикнул туземец-лоцман английскому механику «Короско» в тот момент, когда маленький пароходик врезался носом в коричневый береговой ил, а течение прибило его так, что он стал вдоль берега. Длинный мостик был перекинут, и шесть человек рослых солдат в небесно-голубых мундирах Суданского регулярного корпуса, которые предназначались для эскорта туристов, ровным, мерным шагом сошли на берег; они смотрелись бравыми молодцами, и прямые, стройные фигуры их красиво выделялись на ослепительно ярком фоне утреннего неба.

На высоком берегу, вдоль самой кручи, выстроили ряд оседланных осликов, приготовленных для туристов, а в воздухе висел неумолчный гомон крикливых, разноголосых черно-мазых мальчуганов-погонщиков; каждый из них своим гортанным пронзительным голосом выкрикивал достоинства своего животного, всячески пороча осла своего товарища.

– Как жали что ваша супруга не едет с нами, Бельмонт! – заметил полковник Кочрейн.

– Я боюсь, что она схватила легонький солнечный удар вчера, у нее страшная головная боль!

– Я хотела остаться, чтобы она не была одна, – сказала сердобольная и самоотверженная мисс Адамс, – но узнала, что миссис Шлезингер отказалась участвовать в поездке из опасения, что она будет слишком утомительна для ее ребенка, следовательно, миссис Бельмонт не будет одна!

– Вы очень добры, мисс Адамс, но жена моя, вероятно, не успеет соскучиться; ведь часам к двум мы будем уже здесь! – сказал ирландский фрейшютц.

– Почему вы так думаете?

– Хотя бы уже потому, что мы не берем с собой никакой провизии, а я надеюсь, что наш проводник не задался целью заставить нас умереть с голода!

– Будем надеяться, – отозвался полковник. – Эта пустыня обладает замечательным свойством придавать особый вкус и прелесть даже самому скверному вину; наглотавшись пыли, всегда бываешь особенно рад проглотить что-нибудь получше этого!

– Высокоуважаемые леди и джентльмены! – провозгласил обычным торжественным и звучным голосом Мансур, драгоман и проводник. – Мы должны выступить в путь немедленно, чтобы вернуться до полуденного жара, который здесь в пустыне совершенно нестерпим. Советую вам, господа, вооружиться вуалями, синими, или, лучше, зелеными, потому что свет ослепительно ярок для глаз. Вам, мистер Стюарт, я приготовил отменного, призового осла, которого мы всегда приберегаем для людей особенно полновесных. Так-с... теперь, высокоуважаемые леди и джентльмены, прошу сходить на берег!

Все стали, одни за другими, спускаться с мостика и затем выбираться на крутой, высоко вздымавшийся берег. Впереди всех выступал Стефенс, тонкий, сухопарый, обстоятельный даже в походе, с неразлучным «Бэдекером» в ярко-пунцовом переплете под мышкой. Он любезно предложил одну руку мисс Адамс, а другую ее прелестной племяннице, чтобы помочь им взобраться, при этом книга выскользнула у него из-под руки и полетела вниз, под ноги следующей пары, при громком детском смехе мисс Сади. Полковник Кочрейн любезно подобрал книгу, которую у него взяла Сади и, прижимая ее к груди, уверяла, что донесет ее более благополучно до верха, чем ее «законный» владелец. За полковником, рядом с которым горделиво выступил Бельмонт, следовал медлительный и равнодушный ко всему молодой дипломат, а за ним тучный священнослужитель и, наконец, стройный, легкий и сильный Хидинглей и добродушный, болтливый Фардэ, который заметил:

– Как видите, мы сегодня с эскортом!

– Да, я уж это заметил!



– Псс!.. – воскликнул француз, вскидывая вверх руки комическим жестом. – Это все равно, что брать эскорт от Парижа до Версаля! Все это та же комедия, *mon ami*! Она, конечно, никого не проведет, но это входит в состав программы. К чему эти бедняги солдаты, а? – обратился он к Мансуру.

Так как роль драгомана состояла в том, чтобы угодить всем и каждому, то осторожно, оглянувшись кругом и убедившись, что никого из англичан нет поблизости, он отвечал:

– Это смешно, но что вы хотите, таково официальное предписание египетского правительства.

– Египетского! Скажите лучше английского, исключительно английского!

Забавно выглядела эта пестрая кавалькада: люди, никогда не садившиеся верхом, принуждены здесь взгромоздиться на ослов; когда эти ослы пустятся вскачь (а нильская кавалерия мчится во весь опор), такую забавную картину с развевающимися по ветру длинными вуалями, разнообразными, неуклюже болтающимися в седле фигурами туристов, размахиванием рук и произвольным мотанием голов, – трудно увидеть еще где-либо. Бельмонт, прямой, как шест, на маленьком беленьком ослике, махал шляпой в воздухе, посылая прощальный привет жене, поднявшейся на палубу, чтобы проводить его. Кочрейн, соблюдая строго кавалерийскую посадку, ехал подле него, немного позади ехал Сесиль Броун с такой физиономией, словно он считал пустыню едва ли приличным местом для себя, да и вообще сомневался даже насчет добропорядочности целого мира. Позади них тянулись остальные. Подле каждого бежал черномазый крикливый мальчишка, подымая целые облака пыли своими босыми ногами.

– Право, как все это восхитительно и прекрасно! – весело воскликнула Сади. – Мой осел бежит, как на роликах, а седло у меня покойное, точно люлька. И посмотришь – как красивы, как кокетливы эти украшения на уздечке! Нет, право, вы должны написать «мето, ге осленок», мистер Стефенс! – шутила девушка.

Стефенс смотрел на оживленное детское личико своей прелестной спутницы, приветливо улыбавшееся ему из-под кокетливой соломенной шляпки, и ему хотелось сказать ей так же искренно и просто, как всегда говорила она, что она восхитительна и прекрасна, – но его смущал страх, что он может обидеть этим, прогневать ее своими словами и испортить их милую дружбу, которою он так дорожил. И вместо того искреннего признания он только улыбнулся ей и сказал:

– Вы, кажется, особенно счастливы сегодня?

– Да кто бы не был счастлив и доволен на моем месте, вдыхая в себя этот чистый вольный воздух, видя над головой своей это чудное голубое небо, а кругом этот искрящийся желтый песок, сидя на превосходном животном, кротком и послушном! У меня всё есть, чтобы быть и чувствовать себя счастливой! – сказала она.

– Всё? – переспросил Стефенс.

– Все, что мне требуется в данный момент для моего счастья!

– Мне кажется, что вы еще ни разу не испытали, что значит чувствовать себя несчастной!

– О нет, я иногда чувствую себя ужасно несчастной, бывало я плакала целыми днями, когда была еще в Смис-колледже, и другие девушки просто до бешенства доходили, желая узнать причину моей горести, тогда как, в сущности, я сама не знала никакой причины. Вы знаете, иногда находит на человека Бог вещь отчего беспричинная тоска, словно всё кругом вдруг затянет черной пеленой, и хочешь не хочешь – а ты чувствуешь себя глубоко несчастной, хотя и не понимаешь, не можешь дать себе отчета, в чем именно состоит твое горе!

– Но у вас, вероятно, никогда не было действительно серьезной причины?

– Нет, мистер Стефенс, вся моя жизнь, можно сказать, была до настоящего времени сплошным праздником, и когда я теперь оглядываюсь назад то должна сознаться, что никогда не имела основания чувствовать себя несчастной!

– От всего сердца желаю вам, мисс Сади, чтобы вы могли сказать то же самое, когда доживете до лет вашей тетушки, которая, кажется, что-то кричит нам!

– Я желала бы, мистер Стефенс, чтобы вы ударили моего погонщика, который не перестает все время дубасить это несчастное животное, невзирая на мой протест! – кричала мисс Адамс, поравнявшись с племянницей и ее спутником. – Эй, драгоман Мансур, скажите этому скверному мальчишке, что я не потерплю, чтобы он мучил бедное животное! Скажите, что ему должно быть стыдно! Да, да, маленький негодяй! Ты должен стыдиться! Смотрите, он еще скалит на меня зубы, точно реклама зубной пасты! Этаким мерзкий мальчишка! Что вы думаете, мистер Стефенс, не связать ли мне этому черномазому солдату пару шерстяных чулок, и позволят ли ему их носить? А то этот бедняга имеет повязки на ногах.

– Это его путти, мисс Адамс, – пояснил полковник Кочрейн, – мы в Индии убедились, что это превосходно поддерживает ногу во время ходьбы; это несравненно лучше всяких чулок!

– Ну, не скажу, – возразила мисс Адамс, – это ужасно напоминает скаковую лошадь, у которой забинтованы ноги. Но все же это очень торжественно, что мы сегодня находимся в сопровождении эскорта, хотя *monsieur* Фардэ и говорит мне, что в этом нет никакой надобности!

– Это только мое личное мнение, мисс Адамс, – сказал француз, – весьма возможно, что полковник Кочрейн держится совершенно другого мнения!

– Это мнение, *monsieur* Фардэ, диаметрально противоположно мнению господ военных, которым поручено заботиться о безопасности границы, – холодно отозвался Кочрейн, – я надеюсь, что все должны со мной согласиться, что эти чернолицые воины в своих ярких мундирах несомненно придают живописность окружающей обстановке!

Кроме нескольких человек солдат, составлявших эскорт туристов, то тут, то там словно вырастал из земли черномазый солдат в небесно-голубом мундире, быстро шагавший по песку пустыни с ружьем за плечом; на мгновение худая, воинственная фигура его резким силуэтом вырисовывалась на ярком фоне неба и затем вдруг словно проваливалась в землю и исчезала, тогда как на расстоянии сотни шагов вырастал из земли другой солдат, с тем чтобы исчезнуть точно таким же образом.

– Откуда они берутся? – спросила Сади, следя глазами за этими голубыми фигурами.

– Я так и полагал, что вы пожелаете узнать об этом, – сказал Стефенс, который был всегда особенно счастлив, когда ему удавалось предугадать какое-нибудь желание хорошенькой американки, – и я сегодня утром справился нарочно в нашей судовой библиотечке. – Вот оно и есть ге, то есть о черных солдатах. Здесь сказано, что они принадлежат к Десятому Суданскому батальону египетской армии; она набирается из племен динка и шиллук, двух негритянских племен, живущих к югу от страны дервишей – в экваториальной области!

– Как же эти рекруты пробираются через страну дервишей? – спросил Хидинглей.

– Я полагаю, что это не представляет особого затруднения! – пробормотал *monsieur* Фардэ, многозначительно подмигнув молодому американцу.

– Старейшие солдаты, – пояснил полковник Кочрейн, – представляют собой остатки прежнего Черного батальона; большинство их служили еще при Гордоне в Хартуме, остальные же, по большей части, дезертиры из армии Махди!

– Ну, пока в них не представляется надобности, я готова согласиться, что они выглядят очень красиво в своих голубых куртках, с медалями на груди! – заметила мисс Адамс. – Но если бы были какие-нибудь беспорядки или что-либо в этом роде, то полагаю, что для нас было бы приятнее, чтобы они были менее живописны, но не столь черны!

– Не могу с вами согласиться, мисс Адамс! – возразил Кочрейн. – Я их видел в деле и могу вас уверить, что на них вполне можно положиться!

– Уж так и быть, я положусь на ваше слово, полковник! – тоном бесповоротной решимости произнесла мисс Адамс, и на этом разговор на время прекратился.

До сих пор путь лежал по берегу реки, извивавшейся влево от наших туристов. В этом месте Нил был широк, могуч и глубок, благодаря близости порогов. Немного выше уже виднелись черные валуны, увенчанные белой пеной, и сам берег становился скалистым; среди этих скал выделялся громадный, своеобразный, далеко выдвинувшийся вперед утес с полукруглой площадью, образующий вершину. Всем сразу стало ясно, что это и есть знаменитый рубеж дикой Африки и цивилизованного Египта. Маленькая кавалькада пустила своих ослов галопом. Вдали виднелись на желтом фоне песка пустыни группы черных скал, и среди них высились обломки колонн и полуразрушенных стен. Проворный и словоохотливый драгоман соскочил со своего осла и, приняв живописную позу, стал в ожидании, чтобы подъехали отставшие и собрались вокруг него.

– Этот храм, высокочтимые леди и джентльмены, – возгласил он громким голосом аукциониста, собирающегося продать ценную вещь тому, кто даст за нее больше, – этот храм, господа, – великолепный памятник Восемнадцатой династии! Вот и изображение: барельеф Тутмоса III, – и он указал концом своего хлыста на резко выделявшиеся на стене иероглифы у себя над головой.

– Он жил за тысячу шестьсот лет до Христа, и письма эти начертаны здесь для увековечения памяти о его победоносном нашествии в Месопотамию. Здесь мы видим изображение всей истории его жизни, начинал с детского возраста и вплоть до его возвращения в Египет с толпами пленников, привязанных к его колеснице. Здесь вы видите, как его венчает Нижний Египет, а Верхний Египет приносит жертвы в честь его победы великому Богу Амону-Ра. А вот здесь он влечет за собой своих пленных и, по обычаю того времени, отрубает каждому из них правую руку. Вот в этом углу вы видите небольшую кучку. Это все правые руки пленников!

– Боже правый! Не желала бы я быть здесь в те времена! – воскликнула мисс Адамс.

– Здесь и сейчас ничто не изменилось! – небрежно уронил Сесиль Броун. – Восток остался тем же Востоком. Я ничуть не сомневаюсь, что на расстоянии какой-нибудь сотни миль отсюда, а быть может и ближе.

– Да полно вам! – остановил его шепотом Кочрейн.

– А что это? – осведомился проповедник Джон Стюарт, указывая длинным тростником на одну из фигур на стене.

– Это гиппопотам! – пояснил драгоман.

– Гиппопотам! – воскликнули хором туристы. – Да ведь он не больше поросенка! Смотрите, царь шутя пронзил его своим копьём!

– Это они нарочно изобразили его малым, чтобы показать, что для царя такое дело суций пустяк, – объяснил Мансур, – так, вы видите, например, что все его пленники не достигают даже колен фараона, и это отнюдь не значит, что эти люди были столь малорослы или что фараон был такого громадного роста, но этим хотели выразить, что он был несравненно могущественнее и сильнее этих людей, что он был велик и могуч. Вы видите также здесь, что он больше своего коня, и это тоже потому, что он фараон, царь а это животное только лошадь. Точно так же вот эти женщины, которые здесь изображены, они тоже крошечные, в сравнении с фигурой царя, потому что он велик и могуч, и это его маленькие жены.

– Вот прекрасно! – возмущенно воскликнула мисс Адамс. – Значит, если бы они здесь изобразили его душу, то, вероятно, пришлось бы ее рассматривать в лупу! Ведь стоит только подумать, что он позволил изобразить в таком виде своих жен!

– Если бы эти иероглифы были начертаны в настоящее время, – любезно сказал monsieur Фардэ, – то, вероятно, мы увидели бы изображение большой и сильной женщины и маленького супруга!

Сесиль Броун и Хидинглей отстали от главной группы туристов, так как комментарии драгомана и шутливая болтовня туристов раздражали их нервы, нарушая торжественное настроение; стоя в стороне, они смотрели, как следовала мимо серой безмолвной стены пест-

рая и забавная группа туристов с поднятыми лицами и откинутыми назад шляпами, над которыми вились с криком испуганные в развалинах совы.

– Мне кажется положительным святотатством это шутовство и этот гам и смех! – сказал оксфордский питомец.

– Я рад, что вы испытываете то же, что и я, – сказал Хидинглей, – вот почему я предпочитаю всем развалинам, которые я видел, те, которых я не видал!

На мгновение на лице дипломата мелькнула светлая улыбка, слишком скоро уступившая место его обычной маске чопорного человека.

– У меня, видите ли, есть подробная карта, – продолжал молодой американец, – и на ней, где-то среди дикой непроходимой пустыни, далеко-далеко отсюда, я вижу, обозначены развалины, остатки какого-то древнего храма, кажется, храма Юпитера Амона – одного из великолепнейших древних святилищ. И вот эти развалины – таинственные, забытые, одинокие в своем ненарушимом покое, простоявшие десятки веков, до которых не коснулась ни святотатственная рука, ни нога туристов, – вот эти-то развалины волнуют мое воображение!

– Да, это так, – подтвердил Сесиль Броун. – Если бы можно было, бродя бесцельно и одиноко, неожиданно наткнуться на эти самые развалины, которые мы теперь видим перед собой, и очутиться совершенно одному в полумраке этих сводов, то впечатление было бы, без сомнения, подавляющее. А при такой обстановке, как сейчас, когда Бельмонт сосет трубку и причмокивает губами, когда Стюарт сопит и пыхтит, как дрянной паровой катер, когда мисс Сади Адамс смеется своим детским серебристым смехом.

– А эта болтливая сорока, драгоман, дает свои пояснения, как будто отвечает бессмысленно затверженный урок, – добавил Хидинглей, – мне страстно хочется отдаваться своим думам и впечатлениям, но я не могу, не могу, потому что мне все это мешает, мною овладевает такое бешенство, такое раздражение, что я готов отколотить того, кто первый подвернется мне под руку. Подумайте только, пропутешествовать такую даль, как из Америки в Египет, для того, чтобы видеть эти пирамиды, и обелиски, и храмы, и все эти уцелевшие остатки древнего мира, и в результате не сделать ничего лучшего, как сердиться на все окружающее и отколотить мальчишку-погонщика. Ведь это уже, право, обидно!

Молодой дипломат рассмеялся своим милым сдержанным смехом, смехом усталого, разочарованного человека...

– Они, кажется, двинулись дальше, – сказал он, указывая глазами на группу туристов, потянувшуюся от развалин к берегу.

Оба собеседника поспешили присоединиться к своим спутникам.

Теперь путь их лежал между большими валунами и каменистыми холмами. Узкая, извиляющаяся тропа пролегла между черными фантастическими скалами, напоминавшими шахты каких-нибудь копей. Вся маленькая компания почему-то притихла и смолкла, даже сияющее, жизнерадостное личико Сади как будто омрачилось под впечатлением суровой и мрачной природы. Солдаты эскорта примкнули к туристам и шли теперь по обеим сторонам, растянувшись в группы. Полковник Кочрейн и Бельмонт опять ехали рядом; они замыкали шествие и теперь немного поотстали.

– Знаете, Бельмонт, вы, вероятно, будете смеяться надо мной, но, признаюсь, мне положительно жутко здесь! Когда мы обсуждали там, в салоне «Короско», всю эту экскурсию, она казалась приятной и безопасной, но здесь как-то невольно чувствуешь себя оторванным от цивилизованного мира, – заметил полковник, – хотя компании туристов еженедельно посещают эти места, и никогда ничего неприятного не случилось!

Бельмонт глубокомысленно покачал головой.

– Я, видите ли, не боюсь опасности и не раз бывал в боях, но то дело другое: во-первых, на то идешь, к тому готовишься, затем, в подобных случаях идти навстречу опасности наша обязанность, наш прямой долг, а всякий из нас привык делать свое дело. Но когда с вами

женщины или такая беспомощная толпа, как вот эта, – он указал на туристов, – то поневоле становится ужасно. Конечно, один из тысячи шансов на то, чтобы с нами могло случиться что-нибудь неприятное, но если бы что-нибудь случилось... то не дай Бог!.. Впрочем, что об этом говорить. Всего удивительнее, однако, то, что все они, очевидно, нисколько не сознают, что им может грозить какая-либо опасность!

– Положим, что платья английского покроя для прогулки мне нравятся, – раздался впереди них звонкий голос Сади Адамс, – но для вечернего платья французский покрой много изящнее и элегантнее, чем все, что может придумать ваша английская мода!

Полковник невольно улыбнулся.

– Она совершенно беспечна, и я, конечно, никому, кроме вас, Бельмонт, не скажу о том, что думаю: надеюсь, что все мои опасения окажутся неосновательными, но как это ни смешно, меня томит какое-то предчувствие беды! – сказал Кочрейн.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.